

В трактате Николя Фламелья «Объяснение фигур» мы находим - и это весьма показательный пример - следующий пассаж:

«Здесь я рисую для тебя два тела, одно мужское и другое женское, чтобы показать тебе, что в ходе этой второй операции ты доподлинно, хотя еще и не в совершенстве, имеешь две соединенные и сочетающиеся природы, мужскую и женскую, или, вернее говоря, четыре элемента, и что естественные враги - тепло и холод, сухость и влага - начинают сближаться в любви одного к другому, и при посредничестве мира мало-помалу улетучивается древняя вражда старинного хаоса».

Найти философский камень мог лишь человек, достигший состояния полного озарения, которое всегда предполагает выполнение тонких, неуловимых операций, благодаря которым в самом адепте происходит смерть «ветхого человека» и рождение внутреннего, духовно возрожденного человека. Здесь можно было бы сослаться на многочисленные тексты, в которых описаны внутренние трансмутации, происходящие в самом алхимике. Например, в «Торфе философов», алхимическом трактате арабского происхождения, встречаются следующие прекрасные слова: «И знайте, что конец есть лишь начало и что смерть есть причина жизни и начало конца. Узрите черное, узрите белое, узрите красное, и это все, ибо эта смерть есть вечная жизнь после смерти славной и совершенной».

Озарение несет с собой полное освобождение, как утверждается в другом месте «Объяснения фигур» Николя Фламелья, классического трактата, приписываемого этому знаменитому французскому адепту:

«Так он (философский камень) теперь уносит человека из этой юдоли скорби, из этого горестного состояния бедности и недомогания, в славе поднимает его на своих крыльях над стоячими водами египетскими (коиными являются ординарные мысли смертных), заставляя его презреть жизнь и богатства мира сего, денно и ночью размышлять о Боге и его святых, желать эмпиреев небесных и пить из сладостных источников вечной надежды.

Вечная хвала Богу, по милости своей давшему нам узреть сей прекрасный, воистину совершенный пурпурный цвет, сей прекрасный цвет полевого мака, сей пылающий и сверкающий сиреневый цвет, уже не подверженный переменам, над которым более невластны само небо и его зодиак, ослепительный лучистый блеск которого каким-то образом сообщает человеку нечто сверхнебесное, в то же время заставляя его (когда он смотрит на него, познавая его) трепетать и содрогаться».

Освобождая мало-помалу свою подлинную природу, испытывая на себе почти неуловимое влияние потаенного огня, заключенного в нем самом, проникающей в него Божественной энергии, адепт непосредственно достигает всеобъемлющего знания, полного и дарующего свободу. Французский автор XVIII века, Антуан-Жозеф Пернети, в своих «Разоблаченных мифах греков и египтян» дает ему весьма примечательную характеристику:

«Материя едина и составляет все, говорят философы, поскольку она есть коренное начало всевозможных композиций. Она содержится во всем и ощущается во всем, поскольку она может принимать любые формы, но лишь до того, как приобретет тот или иной вид одного из трех царств природы».

В трактате Космополита содержится следующий очень короткий, но еще более замечательный пассаж: «В его царстве имеется зеркало, в котором можно увидеть весь мир».

Поскольку, более того, существует прямое соответствие между тайнами алхимической практики и тайнами Царства Небесного, практический объем этого знания, достигаемого путем озарения, простирается вплоть до высших небесных сфер, до славных областей, именуемых эмпиреями, то есть до рая. Этим объясняется появление в «Зеленом сне», классическом трактате Бернара Тревизана, следующих слов: «Я размышлял об этом Царстве Небесном, в котором Всемогущий восседает на своем престоле во славе и в окружении ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, тронов и властей».